

Оуэну Келли, чей поступок вдохновил меня на эту книгу.

Мы рады сообщить, что данная больница в первый же год своей деятельности не имеет себе равных ни в графстве, ни за его пределами. Здание оборудовано для самых современных методов лечения. Здоровая местность вокруг, просторные комнаты и галереи — все это способствует спокойствию пациентов. Солнце и воздух свободно проникают в каждое окно. Проект учитывает более высокую склонность женщин к безумию, поэтому в лечебнице восемнадцать женских палат и четырнадцать мужских. И действительно, многие женщины, уставшие от домашних неурядиц или чрезмерного количества детей, просят остаться здесь подольше.

Сэр Уорвик Чейз, главный инспектор сумасшедших домов и советник Комиссии по лунатизму. Выдержка из первого ежегодного доклада по Лунатическому приюту для бедняков Восточной Англии, 1868

Часть 1

ПАРК-РОЙАЛ-МЭНОР

2018 год

Глава 1

Повязка на глазах причиняет боль. В неумении завязать узел проявилась его неопытность. Он затянул его туго, но небрежно, захватив прядь моих волос. Всякий раз, когда он слишком быстро входит в поворот, меня качает в сторону, ремень безопасности врезается в плечо и точечная тянущая боль на коже головы усиливается.

Он тормозит без предупреждения: меня бросает вперед. Фиолетовый шелк, слегка ослабший возле моего правого виска, пропускает немного света, но никакой полезной зрительной информации.

Он сделал все для моей полной сенсорной депривации. В машине нет музыки. Только ритм моего и его дыхания, басовитые нотки двигателя, щелчки переключаемых передач. Радио могло бы помочь. Подсчет трехминутных поп-песен позволил бы мне определить время. Если

строить догадки, то я бы сказала, что мы едем около часа, но на самом деле вполне может быть полчаса или два. Я знаю, что мы выезжали из Лондона, а не углублялись в него и должны сейчас быть уже далеко от города. Первые пару миль я могла отслеживать наш маршрут по остановкам на светофорах и «лежащим полицейским». Чтобы в любом направлении покинуть Ислингтонскую зону «двадцать-миль-в-час», требуется десять минут. Я уверена, что чувствовала аромат барбекю от ресторана на Сити-роуд, но думаю, он объехал по кольцу на Олд-стрит дважды, чтобы запутать меня, и после этого я растерялась.

Как только мы выбрались из города и поехали быстро, мой нос несколько раз уловил запах костров — самый сезон для них! — древесный дым домашних поленьев, намного более приятный, чем от ферм и заводов.

Временами кажется, что мы посреди полей, виляем по проселочным дорогам, затем он снова едет ровнее и быстрее, и поток проносящихся мимо машин говорит мне, что мы вернулись на главную трассу. Если мы направляемся в аэропорт, я, наверное, услышу шум самолетов.

В самолет я не сяду!

— Дерьмо... — бормочет он и тормозит снова. Последние несколько волосков моей зажатой пряди вырываются с корнем. Я чувствую, как он поворачивается на сиденье, и ощущаю его дыхание на своей щеке, когда он медленно дает задний ход. Я пользуюсь возможностью и тяну

руку к своей голове, но он следит за мной

8 так же зорко, как за дорогой.

— Марианна! Ты обещала!

— Прости, — говорю я. — Это теперь по-настоящему действует мне на нервы. Что, если я закрою глаза, пока перевяжу? Или пока ты перевяжешь?

— Хорошая попытка, — отзывается он. — Послушай, это уже недалеко.

Как близко это «недалеко»? Еще минуту? Еще полчаса? Если я напрягу щеку, то смогу видеть немного больше. Свет, который я ощущаю через фиолетовую ткань, начинает быстро мерцать. Солнечные лучи, пробивающиеся сквозь забор? Мерцание едва заметное, на грани восприятия, и для забора чересчур беспорядочное. Похоже, мы в тоннеле из растущих по сторонам деревьев, что означает деревенскую дорогу, а следовательно...

— Сэм! Ты заказал нам спа-салон?

Я слышу улыбку в его голосе.

— Думаю, я сделал даже лучше.

Мои плечи расслабляются, как будто руки массажиста уже на них. Я не могу придумать ничего лучше, чем два дня лениво подвергаться «трамбовке» от мускулистых молодых женщин в белых туниках. Это, должно быть, то оздоровительное место на побережье Эссекса, куда я так стремилась попасть. В Эссексе я смогу отдохнуть. Я смогу добраться до мамы за час и до Хонор за два. Возможно, когда Сэм сказал, что сделал даже лучше, это означало — он организовал все так, что Хонор тоже будет там.

Дорога теперь неровная, вся в выбоинах, засыпанных хрустящим гравием,

и я поднимаю руки вверх, готовясь размотать шарф.

— Еще две минуты! — Голос Сэма поднимается на октаву. — Я хочу посмотреть, как ты увидишь это!

Скрип шин. Я терпеливо жду, сложив руки на коленях, пока парковочные датчики пищат все чаще.

— Итак... готово! — восклицает Сэм, распуская узел с эффектным взмахом. — Добро пожаловать в Парк-Ройал-мэнор!

Название знакомо мне из буклетов, как и общая картина, но из-за потрясения я не сразу охватываю ее целиком.

Сперва я вижу целый ряд архитектурных особенностей — зубцы и фронтоны, вычурную серую каменную кладку, высокие неприступные окна, — однако не могу воспринять все это в целом.

— Я слишком близко, — пытаюсь я сказать, но получается это шепотом.

Назаретская больница, или Лунатический приют для бедняков Восточной Англии, как она называлась изначально, не была предназначена для разглядывания вблизи. Только с расстояния, принимали ли вас сюда, или вы бросали на нее последний призрачный взгляд через плечо, когда выходили либо сбегали. Последний раз я видела это место (и до сих пор вижу его в своих снах) издалека. Больница казалась заполняющей все пространство до горизонта. Она громоздилась

на том, что в этих краях считается холмом,

10 господствуя над плоской равниной вокруг.

Построенная для обслуживания трех графств, слишком большая для скромного Саффолка, неуместно выделяющаяся своими викторианскими размерами.

Я способна доехать от Лондона до Настеда почти на автопилоте. Так как же я могла не признать дорогу?

Сэм потирает руки от удовольствия.

— Как сильно ты теперь меня любишь? Давай пойдем и хорошенько все здесь рассмотрим! — Он тянется через меня и отстегивает большим пальцем мой ремень безопасности. Я не могу выбраться из машины. Крик вцепляется в мое горло когтями. Фотографии в брошюре не передают всех изменений. Те окна, обшитые панелями от пола до потолка, теперь открыты, в новых рамах поблескивают сотни неразбитых, чистых стекол. Плющ и буддлея, невозможным образом проросшие из покосившихся дымовых труб и гниющих перекладин, исчезли, уступив место виргинскому вьюнку. Его насыщенно-красные листья аккуратно подстрижены и обнажают серебристые кирпичи. Огромные двойные двери заменены на сдвижные стеклянные пластины с гравировкой «Парк-Ройал-мэнор», выполненной матовыми завитушками. Мой взгляд отказывается подниматься выше.

— Что... — начинаю я. — Что мы тут делаем, Сэм? Зачем мы здесь?

Он принимает мою панику за удивление.

— Я нашел для тебя уютное пристанище. Хватит доламывать диван Коветты и шататься по отелям.

Я опускаю глаза, однако так еще хуже. Нет, я не вижу отремонтированную часовую башню, но я вижу ее тень, словно гигантский силуэт солнечных часов, темно-серый палец, указывающий прямо на меня. На самом деле причудливая ковка башенного циферблата всегда являлась лишь маскировкой для наблюдательного поста — в Назарете ввели это правило в свое время, — и я будто чувствую, что за нами наблюдают и сейчас. Я неуклюже пробую снова прикрыть глаза повязкой, закусив край шарфа зубами.

— Марианна? — произносит Сэм, уставившись на меня. — Марианна, в чем дело?

Это и не крик, в довершение ко всему, напротив — я отчаянно всасываю сухой воздух, который не содержит кислорода, только пыль:

— Я не могу войти внутрь... — Я стараюсь взять себя в руки. — Пожалуйста, Сэм, не заставляй меня туда возвращаться...

Глава 2

— Какого черта, в чем дело?

Мы припарковались под огромным кедром, достаточно далеко от подъездной дорожки и посторонних глаз. Игольчатые листья образуют над нами черный навес. Я стыжусь своей реакции и отчаянно пытаюсь преуменьшить ее, но уже слишком поздно. Лицо Сэма изменилось. Исчезло пылкое рвение, такое яркое две минуты

назад, и теперь на нем выражение, которое я видела, когда он принял первый зво-

нок от моей матери или когда Хонор вернулась в «Лиственницу» и он ожидал меня возле стойки администратора. Он сует мне в руки бутылку воды. Кедровые иглы над нами мягко шелестят.

Джесс вырезал наши инициалы на одном из этих деревьев. «Дж.Дж.Б. и М.С.», обведенные контуром сердца. Иногда такая резьба становится даже заметнее с годами, потому что ствол растет и рубцы расширяются.

— Мне очень жаль, — говорю я, и это все, что я могу сделать, потому что мне снова семнадцать и я опять в гулких палатах. Я вновь представляю все это: слова, вспыхивающие пламенем. Жизни, сводящиеся к влажным простыням и обходам врачей. Ключи, поворачивающиеся в замках. Звон разбитого стекла и бегство. Понятия, которые определяют меня впоследствии: мать, жена, работа — уходят прочь. Слова перед моим именем и после него стираются сами собой, и я становлюсь частью своего прошлого. Мысль о том, чтобы снова туда войти, ощущается как... — сравнение выскакивает само, прежде чем я успеваю ему помочь, — как электрошок.

— Я думал, тебе понравится, — говорит Сэм. — Думал — внесу тебя сейчас через порог, а там уже шампанское в холодильнике. Если тебе не нравится это место, зачем тебе все те рекламные брошюры под кроватью? Если что, я не рылся — они на виду.

Это чертовски хороший вопрос, это вопрос вопросов, это вопросище, и сама я никогда не позволю ему узнать ответ. Я чувствую необходимость следить за этим местом, так

же, как и за Джессом. Отношения с людьми и местами могут быть прочными и неохотными одновременно. Я читала эти брошюры наедине с собой, мои тайные истории на сон грядущий, переворачивая страницы медленно, не спеша, вылавливая ложь, и словно уже тогда заботилась о том, чтобы мрачная правда не открылась сейчас. Временами, когда мазохистское побуждение продолжать чтение достигало пика, мне хотелось взять что-то тяжелое и стукнуть себя по голове, но все, на что у меня хватало сил, — это спихнуть брошюру вниз с края кровати перед тем, как отключиться.

— Я подумал, что это, должно быть, дом твоей мечты. Судя по тому, как ты их прятала. Ну, как говорится — обруч передо мной — пришлось попрыгать. Чтобы взять ипотеку без твоего ведома. Ну ладно, возможно, мне не стоило так тебя удивлять, но ты ведешь себя так, будто я сделал что-то плохое.

В какую-то безумную секунду я подумываю сказать ему правду, но...

— Это фобия, — говорю я в свои колени. Мой стыд не притворный: я лгу кому-то, кто этого не заслуживает. — Детские страхи. Я просто... Это место. Я этого не ожидала.

— Но его видно из дома Колетты. Тебя никогда это не беспокоило.

— Отсюда до дома Колетты три мили, — оправдываюсь я, но теперь хотя бы немного восстанавливаю контроль над своим телом и мыслями. — Когда я была маленькой, Назарет-

14 ская больница считалась местным Домом

С Привидениями. О ней мы придумывали всякие истории возле походного костра. Сбежавшие сумасшедшие, пробирающиеся в кандалах по болотам, позвякивающие цепями на ногах и готовые схватить тебя прямо в постели. У меня случались об этом кошмарные сны.

Здесь много правды: только в целом это ложь.

— О, дорогая. — В его голосе слышится смех. — Прости. Но это — ирония судьбы. Ты должна признать это. Преподаватель истории архитектуры — и вдруг с фобией старого здания.

— Я понимаю, да. — Я вымученно улыбаюсь. Конечно, это не ирония судьбы и не простое совпадение. Вся моя карьера была лишь способом попытаться понять и хоть как-то проконтролировать это место.

— Когда ты впервые на него взглянула, тебя словно кувалдой по голове огрели. И все из-за меня. Даже когда я стараюсь — то ничего не могу сделать правильно, не так ли?

Внезапно меня поражает то, что совершил Сэм: время и усилия, деньги, затраченные на покупку недвижимости, — он устроил все это, даже не попросив моей помощи, в разгар огромного рабочего проекта, ради меня, чтобы облегчить жизнь жены, и теперь считает, что женился на...

— Господи, Сэм! Ты, наверное, думаешь, что я такая неблагодарная сука. Спасибо тебе. Это один из самых добрых поступков, которые кто-либо когда-то совершал для меня. — Я заставляю себя улыбнуться. Такое чувство, что кожа на моих губах сейчас треснет, но это сра-

батывает: Сэм снова выглядит вполне довольным собой.

— Хорошо. Я знаю, что это многое значит для твоей мамы.

Его слова мгновенно меня озадачивают.

— Ты рассказал об этом моей маме? И она даже поняла, о чем речь?

— Ну, Колетта может ей напомнить.

— Колетта в курсе? Не знаю, что удивительнее: то, что ты провернул все за моей спиной, или то, что она хранила секрет. — Моя сестра — самая большая сплетница в Настеде; прежняя роль моей матери отлично ей подходит.

— Я человек со скрытыми глубинами. В тихом омуте... — Сэм шутит, но мне это не нравится. Тихий омут — это не то, на что я подписывалась. Аманда, заведующая моей кафедрой, однажды пела дифирамбы своему мужу и призналась, что вышла за него, потому что знала — она никогда не доберется до его сути. Для меня же нет ничего хуже. Сэм не мелкий водоем, но кристально чистый. Склонный к внезапным идеям возле своей чертежной доски, но не в своем браке. Он тверд как характером, так и телом. Мы во всем с ним сходимся, за исключением того, как воспитывать нашу дочь, да и то спорим лишь иногда. Я доверяю ему. Недостаточно, конечно, чтобы все рассказать, — однако знаю, что он не причинит мне вреда. Любой, кто считает предсказуемость скучным довеском к безопасности, просто не знал настоящего страха.

Солнце заходит за крышу здания, и температура внезапно падает. Так было всегда,

я помню: вечер опускался на внутренний двор гораздо раньше настоящего заката.

— Холодает, — говорит Сэм, потирая руки. — Пошли распаковываться. Я полагаю — все это случилось просто от неожиданности, верно? Теперь ты знаешь, чего ожидать, и мы можем войти. Ты почувствуешь себя лучше, как только мы разберем вещи и сделаем это место по-настоящему своим. Ты знаешь, как оно выглядит внутри, если видела буклеты. Там нет ничего жуткого. И никаких привидений. — У него урчит в животе. — И мы сможем заказать доставку чего-нибудь съестного, — добавляет он.

— Сэм, ты в сельской местности, в Саффолке. Здесь в окрестностях всего одно заведение с едой навынос, и то они ничего не доставляют. Давай съездим сами.

Все что угодно, только бы подальше от этого места. Все что угодно, лишь бы протянуть время.

Глава 3

Сэм держит палец на переключателе ближнего и дальнего света. Когда я была девочкой, здесь можно было ехать минут пять и не встретить ни одного другого автомобиля, и сейчас ситуация не сильно изменилась. Больничная дорога — или Королевский проезд, как ее переименовали, — это тупик. Путь в один конец. От Назарета до Настеда всего три мили по прямой, но дорога проложена с учетом непроходимых Настедских болот, и асфальтовый

ручей вьется, огибая трясины. В свете фар мелькают ветви, обочины и живые изгороди. Розовый фермерский дом появляется в луче на мгновение и тут же исчезает. Вот и маленькая церковь на углу, а за ней темнеет ровная болотистая пустошь, над которой был развеян прах Мишель. Саффолк — малонаселенное графство само по себе, но эта неглубокая долина, протянувшаяся на несколько миль к югу от реки Вэйвни, которая считается неофициальной границей с Норфолком, — особенная глухомань.

— Нет ничего страшнее вечерней сельской дороги, — говорит Сэм. — Я всегда ожидаю увидеть девочку-подростка в окровавленной ночной рубашке, которая идет навстречу, шатаясь и протягивая ко мне руки.

— Это вполне стандартная картина для субботнего вечера в Настеде.

Совпадение: общее чувство юмора. Может, я и сумею рассказать ему в конце концов.

Сэм указывает направо, когда мы приближаемся к «Короне».

— Только не здесь, — произношу я. — У них всегда орет спортивный канал, мы даже не сможем разговаривать. Поехали в «Око». Мы поужинаем в отеле.

Сэм тормозит, но не разворачивается.

— Я не могу ехать в «Око» и чувствовать себя идиотом всю дорогу. Вообще-то смысл владения квартирой именно в том, чтобы нам не приходилось ехать в отель за несколько миль отсюда.

На самом деле у нас никогда и не было настоящей необходимости останавливать-

ся в отеле. До того как Колетта перевезла маму в свою гостиную, ее диван-кровать всегда был к нашим услугам. И это не от них я стремлюсь держать Сэма подальше. Они из разных миров, мой муж-отличник и моя сестра, бросившая школу в шестнадцать, но они ладят: у них схожий семейный инстинкт и некая общая прямолинейность. Все сложности создала я сама. Мои настойчивые требования не останавливаться у Колетты не были связаны с тем, что Сэм мог бы решить, что ее дом недостаточно хорош для него, или что она не желала видеть его у себя. Все это далеко от истины. Последствия моего прошлого, как радиоактивные осадки, покрывают ядовитой пылью все вокруг и в настоящем.

Нет, я тащу Сэма в отель «Око», словно тайного любовника, а не вот-уже-как-двадцать-пять-лет мужа, потому что я живу в страхе. В страхе, что Сэм, решив выпить пива, может встретить Джесса в «Короне». Джесс не сумеет сдержать себя: в лучшем случае он начнет кидать скользкие хитрые намеки, а в худшем — полностью все выболтает. И Сэм наверняка наткнулся бы на Джесса. Когда я приезжаю домой, тот повсюду, куда бы я ни пошла. Бреймам никогда не сиделось на месте, и эта их черта перешла и к молодому поколению. Я не могу вспомнить ни одного из своих последних посещений Настеда, в которое не увидела бы Марка, толкающего инвалидное кресло Триш, или Мэдисон с ее детской коляской. Новый мотоцикл Клея всегда торчит возле «Короны». С тремя младшими детьми Джесса, живущими сейчас в Саффолке, 19

я никогда формально не знакомилась (хотя их матери знают меня, конечно) и не виделась достаточно часто, чтобы узнавать их при встрече. В некоторые особенно параноидальные моменты я задавалась вопросом, не организовал ли Джесс из своих родных некое подобие патрульной роты. Так что я никогда не смогу ходить по улицам своего родного городка без живых напоминаний о моей вине и о том, кем я могла стать. Но я не в силах этого объяснить Сэму, и поэтому просто говорю:

— Джесс ходит пить в «Корону».

— А-а... — Сэм отпускает тормоз. Я познакомила его с Джессом, в духе правила: «Держи на виду то, что прячешь». Это оказалось не очень хорошей идеей. Каждый из них имел четкие качества, которых не доставало другому, и это вызывало у обоих чувство неполноценности. Даже если бы у Джесса завелись деньги, ему никогда не удалось бы обрести спокойной социальной уверенности Сэма; а Сэм никогда не смог бы пользоваться таким успехом у женщин.

Мы проезжаем Мэйн-стрит и дом, в котором я росла. Две комнаты вверху, две внизу, вход прямо с улицы. Дальше по правой стороне военный мемориал, впечатляющий своими выдающимися размерами для такого маленького городка. Ранние маки уже показали у его основания. Магазин «Ко-оп», наполовину закрытый ставнями, библиотека с темными окнами.

Минутой позже Сэм медленно проезжает мимо дома Колетты из красного кирпича.

20 Машина Брайана припаркована на улице,

отдыхая между долгими поездками к электростанции на побережье. Свет в гостиной выключен. Это означает, что мама спит.

Если у Колетты и ее семьи выдался вечерок для себя, то последнее, что я хочу сделать, — это вторгаться к ним. Я качаю головой. «Не на пустой желудок».

— Я думал о покупке одного из этих, но предлагались к продаже только абсолютные развалины, а типовой я не хотел, — говорит Сэм, кивая на очередную линию небольших террасных коттеджей. — По-моему, они очаровательны, хотя...

— Полагаю, это так. — В конце концов, такие ушли бы по цене под миллион в нашей части Ислингтона, где подобные коттеджи и даже дома, перестроенные из бывших конюшен, в большом почете.

Здесь они стоили бы, возможно, где-то восьмую часть от этой суммы. Их строили для работников больницы в 1870-е годы. Целыми поколениями семьи работали там. Это была большая больница, построенная для обслуживания всего региона. Когда Назарет закрыли, ничто не смогло заменить те рабочие места; туристический бизнес, который должен был сюда прийти, не сумел сыграть важной роли после скандала с Канниффи. Лондонская мода иметь второй дом в сельской местности так и не достигла Настеда. Причина, по которой джентрификация прошла мимо нас, — застройка, окружающая викторианские коттеджи с трех сторон. Бетонные коробки для персонала, наспех раскиданные

кое-как в 1950-х годах, когда больница оказалась настолько переполненной, что пришлось превратить жилые помещения для медсестер в дополнительные палаты. Построенные в расчете на расширение штата, которого так и не случилось. Местные жители все еще называли их «новыми» домами шестьдесят лет спустя. Там низкие потолки и маленькая площадь. Они теплые и не вызовут больших проблем в обозримом будущем, но не в силах привлечь сюда иногородних. Даже когда они станут совсем старыми — старомодными они не станут.

— Что насчет этого заведения? — спрашивает Сэм, указывая на вывеску «Социал», под которой в зеркальных окнах сияет свет. — Мы могли бы взять... суши, может быть? Или тапас*?

Шутка явно призвана меня успокоить, но я возмущена. «Социал» означает курицу-в-корзинке и чипсы-со-всем-подряд, и Сэм это знает. Это одноэтажное быстросборное здание, воткнутое посреди района, построенное одновременно с домами, своего рода рабочий клуб для медсестер и санитаров, и когда тут жило больше безработных, чем работающих, — взявшее на себя роль деревенской общины. Мама в ту пору трудилась здесь уборщицей. Колетта подрабатывает и сейчас. Оно все еще знакомо мне, как собственная спальня; ковер, оранжевый с зеленым, исшарканный до блеска, в отличие от деревянных досок

* Тапас — легкие закуски вроде соленых орешков и пр., подающиеся к алкоголю. — *Здесь и далее: примеч. пер.*

танцпола, которые сияли, только когда были мокрыми. Это большая часть моего прошлого. Шутить над этим — значит оскорблять мой родной город, то есть оскорблять мою семью и меня.

— Не будь таким снобом, — говорю я. Я не собиралась шутить, но Сэм смеется. Глупо думать о нем подобным образом. Если бы Сэм действительно был снобом, он бы не женился на мне.

Глава 4

Отель «Око» — это рамы времен короля Георга, безупречные клумбы и блестящий рейтинг AA. Там хорошо нас знают и сперва паникуют, думая, что напутали с бронью.

— Марианна! — говорит Нэнси из-за стойки администратора. — Вы записывались? У нас нет свободных мест.

— Мы сегодня только поужинать, — отвечаю я. — Вы сможете нас разместить?

Она облегченно расплывается в улыбке:

— Для вас — что угодно! Как ваша мама?

— В основном, по-прежнему. Спасибо, что поинтересовались.

В ресторане оригинальная старинная окраска стен и закуски по десять фунтов за порцию для туристов. Их тут целая толпа: «Сами-Мы-из-Лондона», — шейные платки от Ральфа Лорена и модные красные брюки «чинос» по всему залу, насколько хватает глаз.

Сэм и я сливаемся с ними. Джесс никогда бы сюда не пришел. Если я стараюсь

держат Сэма подальше от Джесса, то я также защищаю и Джесса от своей нынешней жизни. Я имею в виду — он, конечно, знает, чем я занимаюсь, но не хочу, чтобы он имел представление о всей степени различия между нами. О том, что я, по стандартам нашего детства, безусловно богатая. «Ты у меня в долгу», — сказал он мне много лет назад. Это было до того, как у меня появились деньги, но его убежденность в моем предполагаемом долге никуда не делась. Однако сейчас речь скорее о гордости Джесса. Наши встречи состоят из моего преуменьшения собственного комфорта и сочувственных кивков в ответ на рассказы о трудностях выплаты алиментов разным женщинам на всех детей, и все это на зарплату санитаря скорой помощи. Джесс делается одержимым и встает в оборонительную позу, встревоженный пустяковыми замечаниями и воображаемыми оскорблениями спустя годы. Для того чтобы призрачное доверие между нами поддерживалось, он должен думать о нас как о равных. Наши отношения замешены на худших пропорциях денег и секса, соучастия и чувства вины. Все сводится к этому. В жизни, которая у меня есть сейчас, Джесс является одновременно огромной и ничтожной частью. Я могу оглянуться назад и посмотреть в лицо факту: я воспользовалась деньгами, чтобы сбежать от него.

Конечно, любой, у кого есть хоть капля деловой хватки, мог бы просто посмотреть годовой оборот фирмы «Теккерей и Кхан», но

инициативы; это было одной из тех черт, которые разочаровывали меня в нем. Один взгляд на наш дом на Ноэль-роуд — и он бы понял, насколько далеко мы с ним разошлись, но Джесс ненавидит Лондон слишком сильно, чтобы навещать даже меня.

— Я возьму целого краба, — говорит Сэм, бросая свое меню на стол с показной решительностью. Я заказываю салат из свеклы и феты и большой бокал каберне совиньон. Когда Сэм выскальзывает в туалет, я делаю Нэнси знак снова наполнить бокал. Сэм никогда не проверяет ресторанные счета, в то время как я не могу не подвести итог и снова мысленно возвращаюсь в свое детство и наблюдаю, как мать шевелит губами, проговаривая сумму перед тем, как положить что-то в корзину. Я проверяю телефон, открыв чехол, выбранный Хонор для меня, с надписью «Папины дочки», вытисненной на светло-голубой коже. По привычке я смотрю ее «Инстаграм» раньше, чем свою электронную почту. Она поделилась двумя новыми картинками со своими пятью тысячами подписчиков: карта утренней пробежки, шесть километров по тропе вдоль Темзы. Это хорошее расстояние, не показывающее ни излишнего фанатизма, ни спада, хотя маршрут мне и не нравится — вечно она бежит через какие-то закоулки Кеннингтона. Второе изображение — сильно отфильтрованное фото разбитого авокадо, лежащего на куске сырого теста, с сигаретой, воткнутой в середину этого всего. Она поставила здесь хештег со своим именем, что означает — «моя ра- 25

бота», и я закатываю глаза, хотя этого никто не видит. Любой, кто подумает, что я неспособна объективно оценить перспективы собственной дочери, может просто спросить, какого я мнения о ее творчестве. И сегодня все по-прежнему. Она «упорная», как говорит ее психолог.

Помимо нескольких заметок, мой рабочий почтовый ящик пуст. Я никогда не использовала его для личных писем, а все студенческие сообщения переадресовываются Аманде. Это странно — в середине семестра не знать студентов, принятых в этом году, или стараться припомнить аспирантов, тихо пашущих без моего присмотра.

Я кладу телефон экраном вниз и делаю глубокий вдох. Я смогу это сделать.

Я смогу вернуться в Назарет. Почему бы и нет? Они очистили это место до голого кирпича, когда ремонтировали. Все архитектурные особенности находятся снаружи, и они, должно быть, — единственное оставшееся напоминание. Башня с часами будет для меня проблемой. Пока неизвестно, где расположена квартира, но в любом случае мне придется видеть башню только снаружи дважды в день. Если за рулем будет Сэм, я смогу закрыть глаза, а если я — то просто сосредоточусь на дороге и не стану смотреть вверх.

Подошедший Сэм усаживается на стул и смакует свои полпинты горького пива, словно это хорошее вино.

— Ты выглядишь намного лучше, — замечает он. Я сглатываю кислую отрыжку, а он оценивающе смотрит на мой стакан, заново наполненный, но уже наполовину осушенный.

— Я понял. Я поведу.

— Спасибо, — говорю я. — Я чувствую сейчас небольшую слабость.

Он протягивает мне руку. У очень немногих мужчин красивые руки, но у Сэма — красивые. Его ногти — одна из причин, по которым я в него влюбилась; он ухаживает за ними и полирует раз в неделю. На самом деле руки были первым, что я увидела при знакомстве с ним в тишине под высокими потолками библиотеки Королевского института британских архитекторов в Портланд-Плэйс. Его пальцы коснулись моих, когда мы потянулись к одной и той же книге, шершавому кирпичу в тканевой обложке о структурном рационализме в Европе. Я провела уже несколько месяцев в глубинах своей диссертации, одурманенная стилем артнуво и парижским метро, а Сэм находился на ранних стадиях погружения в проект нового здания церкви и искал вдохновения в кривых линиях Гауди в Барселоне. «Сначала дамы», — сказал он, протягивая ее мне, и сохранил вежливость, когда через несколько секунд я обрушила двухкилограммовую стопку книг ему на ногу. «Нет нужды калечить конкурентов», — пошутил он. Когда Сэм собрал книги и вручил мне обратно, я заметила блестящие квадратные плитки его ногтей, и пока длился день, я видела, как эти самые руки аккуратно берут кофейную чашку, поддерживают ножку винного бокала, согревают пузатый фужер коньяка. Несколько недель спустя его пальцы сомкнулись вокруг ручки двери моей спальни. В ухоженных руках Сэма, в его уверенных прикосновениях 27

я увидела жизнь среди порядка и заботы, которая являлась моей целью. Казалось, что наконец-то можно присесть после целой вечности, проведенной на ногах.

В редкий момент пьяной откровенности мама рассказывала, что так же влюбилась в моего отца из-за его красивых рук, и мне пришлось поверить ей на слово.

— Так-так, — говорю я, отдергивая руку. — Это совсем на тебя не похоже.

— Заказывать краба?

— Это очень неожиданно с твоей стороны, да, но... ты понимаешь, о чем я. Быть спонтанным. — Я пытаюсь спрятать свое раздражение за денежным разговором. — Мы можем себе это позволить? — Я привыкла к своей удаче, однако никогда полностью на нее не полагалась.

— Если мы будем аккуратны, то да. Это не намного больше, чем мы тратим здесь. — Сэм тычет рукой вверх, указывая на гостиничные номера. — И еще это значит, что в этом году мы не поедem никуда отдыхать, но когда ты вернешься к работе, это все легко окупится. Ты же не будешь всегда в академическом отпуске.

Он знает, о чем говорит. Мой перерыв в карьере длится ровно столько же, сколько ситуация с моей матерью.

— Ох. Господи, Марианна, прости. Я не это имел в виду.

Я отмахиваюсь от него. Он знает, что я знаю, о чем он думает.

— Возможно, мой отпуск был плохой идеей. — Я в курсе, что это не так. Это был

лишь способ придать официальности всем моим из сочувствия позволяемым отлучкам и прекратить страдания студентов, ожидающих меня под дверью аудитории, пока я добираюсь из Настеда или откуда-либо, где Хонор могла в очередной раз зависнуть. — Завтра я могу позвонить и узнать, возьмет ли Аманда меня обратно на два дня в неделю.

— Марианна. Твоя работа никуда не денется. Но у тебя только одна мама. Оставайся здесь с Дебби. Дайте ей эти месяцы.

Желание заплакать сильно, однако у меня уже выработался контррефлекс: я сдерживаю слезы.

Перед нами ставят еду. Сэм отламывает крабовую клешню, и она пахнет морем, как в детстве, во времена моих редких поездок на побережье. Мой салат сразу же кажется скучным и неаппетитным.

— Если ты опять решишь, что заказала что-то не то, и попросишь меня поменяться едой, я тебя брошу, — говорит Сэм, даже не поднимая глаз.

— Мы можем поделить пополам. — Он привычно и покорно перекладывает вилкой половину своей порции на мою тарелку, а я сдвигаю свое карминово-бело-зеленое месиво на его. — О, постой-ка. — Осознание приходит внезапно, как снег на голову. — А как же семейная терапия?

— Я позаботился об этом, — отвечает Сэм. — Доктор Адиль считает, что шесть недель перерыва не нанесут нам вреда. Может, даже наоборот, это даст нам время выбросить из головы все, что мы до сих пор пережевыва-

ем. Она продолжит встречаться с Хонор с глазу на глаз, конечно же. Я думаю, для тебя это станет облегчением.

Облегчение — это еще мягко сказано. Последние пару месяцев мы все трое, сидя в комнате психологической разгрузки, осваивали разные мудреные понятия, такие как «созависимость», «якорение» и прочие эвфемизмы для моей явной неспособности ослабить контроль над дочерью.

— Хорошо, — киваю я. — Но больше никаких односторонних решений, ладно?

Сэм иронично поднимает брови, намекая на бревно в моем собственном глазу. Одна из сопутствующих тем в семейной терапии — моя привычка, сформировавшаяся еще во время детства Хонор, когда Сэм витал в облаках, а мне нужна была твердая почва под ногами, — принимать важные решения без совета с ним. Хонор — наша общая опора, но также и наше поле боя. Если я сейчас скажу что-то не то, сегодняшний вечер превратится в бесконечный спор.

— Как продвигается строительство? — На самом деле мой вопрос означает: пожалуйста, давай поговорим о чем-нибудь другом. По тому, как муж сухо сглатывает, я вижу, что он тоже чувствует облегчение, когда я завожу беседу о работе. Вернее, поскольку у меня сейчас нет работы, то говорит Сэм, а я слушаю.

Он считает себя инженером не меньше, чем архитектором. Он отвечает за функциональность, а его партнер Имран — за форму. Они проектируют типы зданий, которые одобрил бы даже Дэмиан Гринлоу. Сейчас они работают

над «нужным заказом» — необычным зданием школы в Финляндии, и я в курсе всех подробностей. Например, что они застряли на выборе правильного угла для застекленной крыши.

Приносят основные блюда: стейк для Сэма, нежирную семгу и жареные цукини для меня.

— Знаешь, а я уже бывала там раньше, — неожиданно выпаливаю я. Это недоговорка года, ложь, обернутая в правду. — В больнице. Мама работала там до Ипсвича. А моя бабушка еще раньше.

— Марьяна с одной «н», — кивает Сэм, имея в виду мою тезку, чье простонародное имя мне дали с рюшечкой на конце. Мама любит рюшечки на всем: на наволочках, пододеяльниках, именах.

— Совершенно верно. У них там проходила какая-то вечеринка в саду или что-то подобное. — Сколько мне тогда было? Колетта еще не родилась, но Джесс присутствовал там со своими братьями, всеми тремя, а это значит, что Буч был еще жив, так что... — Мне было лет шесть примерно.

— Так значит, у тебя не всегда была эта фобия?

Сэм просто интересуется моим детством, но чувствую я себя словно на допросе.

— Мы не заходили внутрь в тот день. Все происходило в саду.

— Значит, внутри ты никогда не бывала?

— Нет, — лгу я, скручивая салфетку на коленях.

— Вот чего я не понимаю, так это зачем хранить все те каталоги, если ты боишься этого места?

— Болезненное любопытство; профессиональный интерес. Со мной все будет в порядке. Просто сперва меня это потрясло, вот и все. — Я откладываю нож и вилку. — Я даже не спросила тебя, квартира это или дом. — Некоторые из сельских домов на склоне холма превратили в коттеджи. Какие бы призраки ни таились в них, мне нет до этого дела, если даже из моего окна и будет видна башня с часами.

— Боюсь, один из коттеджей нам не потянуть. Но квартира прекрасна, я тебя уверяю. Две спальни, так что Хонор сможет ночевать, когда захочет.

Значит, квартира. Они там, где прежде были палаты. Где спали пациенты. Где стояли аппараты.

— Как мило! — выдавливаю я через силу. — Где именно наша квартира? Я имею в виду, ты знаешь, что там находилось раньше?

Те старые таблички мелькают перед моим внутренним взором. «ТРУДОТЕРАПИЯ». «ГИМНАСТИКА». «ЦЕХ». «ФИЗИЧЕСКАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ». «ЭЛЕКТРОТЕРАПИЯ».

— Знаю, как ни странно. Маркетинговый отдел не спешит рассказывать о неприятных аспектах истории больницы, но я посмотрел планы здания в интернете. Просто пролистал страницу вниз, кликнул по ссылке и там нашел первоначальные планы этажей. Я пару раз забывался и разглядывал их со своего айпада, а потом пугался, что ты об этом узнаешь и не получится сюрприза. Другие мужчины удаляют историю

браузера, потому что смотрят порно,

32 а я стираю чертежи викторианских психи-

атрических богадельней. Как правильно во множественном числе — богадельней или богаделен?

— Сэм.

— О, прости. Наша квартира в крыле взрослых женщин. Главная палата, разделенная на изолированные помещения.

Подходит официантка, и я дрожащей рукой протягиваю ей свой пустой бокал.

— Викторянцы называли свои психиатрические больницы «каменными матерями», — говорю я, чтобы отвлечь Сэма от моей нервозности. Его единственный интерес помимо семьи — архитектура. — У них была тогда такая непоколебимая вера в архитектуру, что они думали, будто дизайн здания способен буквально исцелять. Ну, в смысле, я понимаю, что ты тоже думаешь нечто подобное, но они изначально опирались на недостаточные данные по психологии. Большинство крупных викторианских лечебниц были достроены к концу девятнадцатого века, а затем пришла Первая мировая, и, конечно, военный посттравматический синдром изменил все, что они думали и знали о психиатрии. Больницы оказались совершенно не приспособлены для этого. Знаешь, там была целая законченная философия; ничего не должно напоминать о травме. Полная изоляция больных друг от друга и ваннные комнаты, чтобы в прямом смысле слова смывать безумие водой. Они были построены как рабочие дома, а не больницы. На самом деле они устарели еще до открытия.

— Однако потребовалось почти девяносто лет, чтобы закрыть их все, — легко-

мысленно отмечает Сэм. Закрытие больниц для него лишь строчка в истории, а не ключевой момент жизни. — Я и не думал, что за этим стоит как-там-ее-с-бобом-на-голове... Ну, ты знаешь. Такая грубиянка в парламенте с прической, как у инопланетянина. Она еще агитирует пожилых бегать марафоны и все в таком духе. — Он выжидающе смотрит на меня, очевидно, не замечая, как кровь приливает к моему лицу. — Похожа на акулу с покрашенными губами. Как ее имя?

— Хелен Гринлоу. — Я произношу это имя, как будто оно ничего не значит, с таким хладнокровным самообладанием, которым бы гордилась и сама Гринлоу. Описание Сэма — прямо в точку, хотя я помню не ее губы, а ее глаза, по-ирландски ярко-голубые, с изъяном в правой радужке — мазок темно-синего пигмента, словно границу зрачка нарушили крючком, подцепив и вытащив наружу тьму.

— Точно, она. Никогда не любил ее, — рассеянно продолжает Сэм, разрезая свой стейк. Мое лицо пылает. Если Сэм и заметил мой жаркий румянец, то он тактично не обращает на него внимания. — Бог знает, как они получили разрешение переделать старую часовню в обход планировщиков — я снимаю шляпу перед застройщиками. Вместо кафедры проповедника теперь горячий бассейн. Почти кощунственно, но когда у застройщиков была совесть? Кстати, для жильцов бесплатно. Ты можешь плавать каждый день. Можешь записать Колетту, если

34 ей надо отдохнуть.

— Мне нравится, как это звучит. — Я прижимаю ладонь к хлопковой скатерти и пытаюсь впитать ее прохладу. Сэм увлечен рассказом, ничего не произошло. Имя Хелен Гринлоу мелькнуло в беседе, и небо не обрушилось на землю. Я и не думала, что такое возможно. Кровь отливает от моих щек, мысли приходят в порядок, возвращаются к квартире. Если у меня будет здесь «база» неподалеку, Колетта действительно сможет выбрать время поплавать, расслабиться в спа, почитать книгу на шезлонге. Она пожертвовала своей работой медсестры ради того, чтобы находиться при маме так долго, сколько потребуется. Это круглосуточная смена без перерывов. Сэм сделал это ради нее так же, как и ради меня, я понимаю.

Я ем медленно, чтобы оттянуть наше возвращение. Нэнси аккуратно сворачивает салфетки к завтраку, когда я заказываю очередной кофе «на дорожку», но в конце концов нам придется либо ехать назад, либо спать в машине. Я нервно болтаю все время, пока мы движемся обратно к тому, что, видимо, мне нужно теперь научиться называть Парк-Ройал-мэнор.

— Что вообще значит Парк-Ройал-мэнор? — спрашиваю я, когда мы поворачиваем направо возле светящегося щита, обещающего «Роскошную Жизнь В Сердце Сельской Местности Саффолка». — Это место ничто не связывает с королями, насколько я знаю.

— Они вряд ли могли оставить название «Назаретская психиатрическая больница», верно?

— Слово «психиатрическая» отбросили, когда я еще была ребенком, — сообщаю я. — Она стала называться просто «Назаретская больница». Чтобы избавиться от клейма, я полагаю.

— Думаю, они желали чего-то более нейтрального. Даже «Назарет» — довольно тягостное слово.

Черные кедры опять соприкасаются над нами, закрывая небо. Я не умолкаю, пока машина виляет, приближаясь к цели:

— Ты знаешь, что выражение «там, за поворотом» означает больницу? Они предпочли построить извилистую дорогу, чем ровный путь напрямик к главному входу, чтобы пациенты испытывали чувство уединения и изоляции от остального мира. Так что «загнали за поворот» означало — забрали в психушку.

Эта мысль наталкивает меня на другую. Когда я училась в школе и кто-то вел себя чересчур эксцентрично, мы не сказали бы ему — «твое место за поворотом», а сказали бы: «твой номер шестой».

После закрытия железнодорожной ветки шестой автобус остался единственным транспортом, возившим работников, да и пациентов тоже, от Настеда до Назарета. Я полагала, что эта фраза — универсальная идиома и так говорят везде. И только оказавшись в Кромер-Холле, я поняла, что она — нечто, что нужно скрывать, наряду с моей историей, моей виной и моим акцентом. Избавляться от всего этого, как

Глава 5

Вечером фасад освещен, и отдельный бледно-золотой луч подсвечивает часовую башню. До разрушения башня была перегорожена в высоту железными балками, призванными сдерживать самоубийц, и мне интересно, как там сейчас все выглядит внутри. Служит ли она до сих пор каким-либо целям безопасности или играет чисто декоративную роль. Листья новых ползучих растений светятся ярко-алым. Их необходимо обрезать каждую неделю вокруг окон, но им никогда не проникнуть в старый кирпич.

— Все нормально? — спрашивает Сэм, держа меня за руку. Его ладонь сухая и теплая. Моя липкая. — Боже, это на самом деле очень важно для тебя, верно? Человеческий мозг и его иррациональные страхи. Я понятия не имел.

Огромные стеклянные двери, ведущие в атриум, автоматически открываются. Если не знать хорошо это место, можно подумать, что это большой отель, зачем-то торчащий посреди окружающей сельской бедности. Старый приемный стол — теперь стойка администратора, его украшают лилии и олеандры в прозрачных вазах. По обе стороны находятся двери, ведущие в крылья здания, и слова «ЖЕНЩИНЫ» и «МУЖЧИНЫ» все еще высечены на каменных перемычках соответственно слева и справа.

Парадная лестница отремонтирована, широкие деревянные ступени ведут на площадку, где находились старые администра-

тивные помещения. Древесина восстановлена до первоначального блеска. Легче представить невесту или дебютантку бала, скользящую вниз по лестнице, чем пациента, шагающего вверх на беседу к своему консультанту. Вина и жестокость того, что я сделала — что мы сделали, — ощущается сквозь десятилетия и пригибает меня к полу.

— Все нормально? — повторяет Сэм. Я могу только кивать.

За стойкой юнец в ливрее — Оскар, судя по его значку, — постоянно дергающий себя за чуб.

— Добрый вечер, мистер Теккерей, — говорит он с чудовищным польским акцентом.

— Ох, будьте добры, зовите меня просто Сэм. А это моя жена, Марианна.

— Добрый вечер, Марианна, — говорит Оскар, явно стесненный такой фамильярностью.

— Привет, — бормочу я.

Лифт освещен мягким светом и отделан обманчивыми зеркалами, словно машина времени. Мое прежнее «я» и без того уже здесь сегодняшним вечером, так что я почти ожидаю увидеть отражение девочки-подростка — но нет, вот она я, все мои сорок семь лет. Подозрительно ровное выражение лица, однако взгляд устремлен внутрь себя. Каштановые волосы, на несколько дюймов длиннее, чем уместно было бы в моем возрасте, по словам журналистов. Если не знать меня, то можно удивиться, что у меня есть взрослая дочь. Мне было двадцать семь, когда родилась Хонор, что для Лондона аномально рано. Можно вывезти

девушку из Настеда, но Настед из де-
38 ушки... Здесь в округе поколения по воз-

расту ближе друг к другу. Когда Колетта родила Джека в двадцать два, она уже пять лет как работала, два года была замужем и имела ипотеку. А на моей улице в Ислингтоне есть женщины моего возраста с детьми-шестилетками. Я предполагала, что родить ребенка пораньше — освободить себя впоследствии, когда мои сверстники только начнут создавать собственные семьи. Я не ожидала, что в подростковые годы Хонор снова потребуется опекать, как младенца.

Рядом со мной в зеркале Сэм — телосложение плюшевого медвежонка, курчавые седеющие волосы нуждаются в стрижке — проверяет, не застрял ли в его идеальных зубах кусочек шпината.

— Что за сервис в этом месте? Нас не собираются проводить? — спрашиваю я.

— Марианна, не волнуйся. Мы найдем дорогу. — Мне кажется или это шаг назад по сравнению с тем, что мы могли позволить себе раньше? — Да, нам предстоит небольшая прогулка. Ты уверена, что не напугана?

Я заставляю себя смотреть. Противопожарные двери теперь разделяют коридор. Служебный коридор этажом ниже когда-то был самым длинным в Европе — полмили из конца в конец. Это являлось причиной странной местной гордости — что Назарет больше, чем Букингемский дворец.

Они предпочли репродукцию реставрации. Вместо тяжелых радиаторов с толстыми слоями краски, наносимой десятилетиями, установлены их гладкие современные копии с порошковым покрытием. Даже глянцевый пар-

кет новый. Вместо грубых рисунков пациентов, выполненных на трудотерапии, и фотографий, где они плетут корзины либо работают на станках, — теперь репродукции абстрактных картин Марка Ротко*. То там, то сям в рамочках развешены оригинальные планы Назарета и снимки с воздуха. На видах сверху главное здание напоминает старинный ключ с крупными квадратными зубьями по всей длине.

Я замечаю, что они сохранили закругленные углы стен и плинтусов — продуманные детали, которые должны были помешать пациентам ранить себя, но выровняли своды, наклеив подвесных потолков с точечными светильниками. Там, где раньше была отслоившаяся штукатурка, сейчас — городская плитка, глянцевая белая кладка, которая почему-то теперь повсюду — вы не можете даже кофе заказать без напоминания о старых муниципальных банях. Видимо, она должна была добавить аутентичности, но я нахожу это излишним. Изначально такую плитку клали в ужасных местах. Обычно ее можно встретить в запущенных общественных туалетах, на жутковатых местных железнодорожных станциях, в заброшенных больницах. Такая плитка — символ бедности и отчаяния. Она — свидетельница всего наихудшего в моей жизни и во мне.

— Наша квартира раньше служила демонстрационным образцом для покупателей, поэто-

* Марк Ротко (1903–1970) — художник, представитель абстрактного импрессионизма, один из создателей живописи цветового поля.

му она пока не украшена на наш вкус, — поясняет Сэм, толкая очередную противопожарную дверь. Будто существует такая штука, как наш общий вкус. Я не могу назвать ни одной вещи в нашем доме, которую выбрал Сэм. — Ну вот мы и на месте. Добро пожаловать в нашу скромную обитель!

Замок открывается бесшумно, и я этому рада. Я слишком хорошо помню грохот старых ключей. Квартира выдержана в бежевых и темно-серых тонах, как овсянка с грибами. Демонстрационный образец оформлен нейтрально, чтобы никого не оттолкнуть, и эта безликость отталкивает сама по себе. Мне приходится бросить взгляд на свое красное пальто, чтобы проверить — способен ли вообще цвет существовать здесь. Гостиная зона в два раза больше, чем спальни, и имеет два уровня в высоту. Винтовая лестница вьется вокруг одного из железных столбов, которые раньше торчали в центре палат. Только этот столб и окно — тридцать два маленьких стекла в одной решетчатой раме, — выходящее на двор для прогулок, напоминают об истории учреждения. И такая же казенная плитка на кухне, естественно. Готова поспорить на вторую закладную: наверху то же самое. И нынешний излюбленный интерьерный тренд — ванна в форме половинки авокадо.

— Что скажешь? — Глаза Сэма ищут моего одобрения. — Я знаю, здесь немного простовато, но...

— Ну, по крайней мере никогда не догадаться, что здесь было раньше. — Я под-

хожу к окну и смотрю на болота. На горизонте сверкают огни Настеда. Одна из этих ярких точек — окно моей бывшей спальни. Движение позади отвлекает мое внимание от окна. У Сэма по бокалу шампанского в каждой руке.

— Надеюсь, это не дурацкая идея — сказать тост за новое место, — говорит он. — Лучше бы у тебя не было в нем необходимости. Но я надеюсь, что жилье здесь.. надеюсь, это как-то сможет облегчить то, что происходит. Хоть как-то.

Я поворачиваюсь и целую его.

— Я люблю тебя за это.

Сэм глотает свое шампанское слишком быстро и морщится от пузырьков, ударивших в нос.

— Я не знаю, говорить ли тебе, — начинает он. — Я собирался сказать в кабаке, но сдержался. Однако лучше сказать об этом открыто. Я немного порылся, и... в общем, я знаю об убийстве.

С годами я выучила, что мой организм очень специфически реагирует на плохие новости. Он хочет бежать прочь от их источника. Я непроизвольно шарахаюсь от Сэма, чуть не упав, и оказываюсь на середине комнаты в смятении чувств. Он подавлен, второй раз за вечер.

— Прости, милая, я не думал, что это настолько тебя потрясет. Ты была тогда так молода, я не предполагал, что оно до сих пор тебя беспокоит. Но послушай, все в порядке. Это в прошлом. — Сэм приближается ко мне, достает из кармана салфетку и промокает шампанское, пролившееся на мою одежду. — Ты знаешь,

42 что Дариус Канниффи умер, не так ли?

Он умер в Бродмуре в две тысячи тринадцатом году. В психиатрической больнице для преступников. Я вспомнил, что слышал об этом из новостей. Я просто не знал, что все произошло здесь, пока не изучил это место.

Облегчение — наркотик лучший, чем алкоголь. Оно разливается по моим венам, лопааясь пузырьками внутри меня. Сэм говорит об известном убийстве. О том, о котором знают люди. Он ничего не знает о другом. О последней тайне, которую хранит Назаретская больница.

Глава 6

Колетта отпивает латте, сваренный в кофемашине, доставшейся вместе с квартирой.

Моя мать пьет через соломинку черносмоудиновый нектар из коробочки. Они так похожи — маленькие и хрупкие женщины, как птички, съезжившиеся в зале двойной высоты. Я чувствую себя рядом с ними человеком огромного роста, сильным и большим благодаря генам викинга, затесавшимся в мою ДНК.

— Мы могли бы этим воспользоваться, — говорит Колетта, поднимая свою кружку. — Верно, мама?

Теперь Колетта разговаривает за них обеих. Дебби Смай, медицинская сестра, болтуня олимпийского уровня, едва произносит одно слово в час. Мы с ней нормально не общались со времен ее первого инсульта, который оказался вовсе не первым, а всего лишь 43

первым выявленным. Сосудистая деменция действует скрытно, сериями мелких ударов, каждый из которых стирает частичку человеческого достоинства и памяти.

— Значит, Сэм не болтается поблизости? — Сестра дергает носом. Я вздрагиваю. Вообще-то это только мое дело.

— Ему пришлось вернуться на работу. Я подбросила его до станции сегодня утром.

Я не добавляю, что мы опоздали к его поезду на три минуты из-за перекрытой дороги в Стрейдбруке и светофора, мигавшего на железнодорожном переезде в Хоксне добрых десять минут, прежде чем прошел состав. Настед расположен в своеобразном Бермудском треугольнике, если говорить об общественном транспорте — между тремя станциями, каждая из которых якобы в сорока минутах езды, но этим утром потребовался час, чтобы добраться до одной из них, под названием Дисс, уже за административной границей с Норфолком. Раньше Назарет пользовался своей веткой, по которой возили пациентов напрямую из Ипсвича. Она пролегла через Настед, чтобы забирать сотрудников по дороге, но рельсы были проложены уже больше века назад, а собственно станцию «Настед» официально построили лишь в пятидесятых. Возможно, мне стоило лучше ехать на юг до Даршема или даже сразу до Ипсвича. Мне придется разобраться в местных алгоритмах изменения длительности поездки до станций в зависимости от состояния

дорог. Я вспоминаю, что хотела задать вопрос.

— Когда переименовали Больничную дорогу?

— Как только начали строительство. Не понимаю, зачем они утруждались. Все, кого я знаю, до сих пор называют ее Больничной дорогой. — Колетта дует на свой кофе. — Не представляю, как ты сможешь спать здесь одна. Ты знаешь Ким Уиттл с моего школьного года?

Я не знаю, но все равно киваю.

— Она поехала в Лондон на конференцию и сняла жилье через сайт «Эйрбиэнби». В старой церкви, поделенной на квартиры. С видом на кладбище. Напротив ее кровати оказался большой старый витраж с Иисусом на кресте, смотрящим через комнату прямо на нее. Она глаз не смогла сомкнуть. В конце концов пошла и зарегистрировалась в отеле «Премьер-Инн». И я не могу сказать, что осуждаю ее. Здесь то же самое. Я не сумела бы спокойно заснуть. Все те люди, которые сошли с ума годы назад... — Колетта осознает, что сказала, и добавляет: — Я не это имела в виду.

— Я знаю.

Сестра оборачивается к окну:

— Я в том смысле, что... Взгляни на все это. На ту компанию там, с ракетками. Они ведут себя так, словно это самое обычное дело — играть в теннис там, где умерла несчастная женщина.

Я гляжу через ее плечо. Колетта мыслями где-то далеко отсюда.

— На самом деле там всегда были корты для упражнений. С момента постройки. Их называли «Корты на свежем воздухе», чтобы пациенты могли поразмять ноги. Это, вероятно,

одно из немногих мест здесь, все еще используемое по прямому назначению. Тут на территории есть достойный памятник ей. В розовом саду.

— Ее сыну, наверно, лет тридцать с чем-то, правильно? Бедняга. Даже думать об этом не хочется. — Колетта не любит долго держать в голове неприятные мысли. Теперь она ощупывает кухонный «фартук» от брызг на стене. — У тебя такая красивая плитка. Я хочу сделать себе такую же, когда получу деньги. Их должны перевести на эти выходные.

— Если бы ты выиграла в лотерею, то могла бы купить квартиру здесь, — подсказываю я. — Или один из домов. — По словам Оскара, очень немногие квартиры тут куплены жителями Настеда. В основном самые дешевые — для местных здесь дороговато. Остальные — приезжими, любителями пригородов. Теми, для кого это второй дом, вроде нас.

— Нет уж, спасибо. — Колетта поеживается. — Мам, тебе тут нравится?

Наша мать пристально глядит в окно помутневшими карими глазами, в одну точку на горизонте.

— Где-то там наш старый дом, — говорю я. — В следующий раз я привезу из Лондона свой бинокль, и в него наш городок будет видно по-настоящему отчетливо. Отсюда при желании можно разглядеть военный мемориал.

— Я вам рассказывала, как однажды объявили тревогу, когда я была маленькой?

Это самая длинная фраза, которую я услышала от матери за последние месяцы. Мы

с Колеттой мгновенно замолкаем. В детстве она рассказывала нам эту историю бесчисленное число раз, как и в любой хорошей сказке, в ней скрывалось предостережение.

— Нет! — отвечаю я. — Расскажи сейчас.

Я нажимаю кнопку «Запись» на своем телефоне, чтобы сохранить эту историю навсегда. Колетта понимает. Ее лицо дергается от напряжения в усилении сдерживать слезы.

— Мне было года четыре, — говорит мама, сдавливая свою картонную коробочку и зачарованно глядя, как воздушные пузыри появляются на конце соломинки. — Какой-то педофил, или растлитель малолетних, как их называли в то время, перебрался через стену. Все еще одетый в то, что они называли «строгой одеждой», — такие ужасные штаны из мешковины, в которых заставляли ходить самых отпетых. Боже, этот пронзительный звук сирены. У нас были инструкции от мамы: что бы мы ни делали, где бы ни находились — на улице или на болоте, — услышав этот звук, мы должны тут же кинуться домой. Вот такой звук: а-ау-у-у-у-у... — Мама начинает изображать сирену, ее голос медленно повышается и медленно утихает — знакомый звук из черно-белых фильмов про войну. Это продолжается чересчур долго, но у нас не хватает духу остановить ее. — Вам повезло, девочки, вы жили без этого звука. Он пробирал до костей. Они вызвали настоящий вертолет, который летал тут над головами. Большинство детей из нашего городка впервые увидели его. Мы бежали по домам, но остановились и начали махать 47

ему. Мы больше взволновались от вертолета, чем от страха перед тем сумасшедшим. Даже тогда в округе не происходило ничего другого, кроме того, что связано с больницей.

Соломинка выпадает из ее коробки, и мама безуспешно пытается затолкать ее обратно через маленькую дырочку в фольге, морщась от разочарования своей неудачей.

— Они поймали того человека? — спрашивает Колетта, хотя мы обе знаем, что его обнаружили в скаутской хижине через час.

— Какого человека? — переспрашивает мама. Это выглядит так, словно последних пары минут никогда не существовало. — Какого человека? — Она снова пытается вставить соломинку, а затем смотрит на Колетту с детской обидой. Я заканчиваю запись, зная, что, если когда-либо найду силы прослушать это еще раз, мне придется нажать на «Стоп» за несколько секунд до конца.

— Никакого, — отвечает Колетта, засовывая соломинку обратно в дырку и сжимая мамино плечо. Пока я читала лекции о стиле возрождения времен королевы Анны или о развитии Гарден-Сити, Колетта умывала, протирала и утешала. Сэм прав. Мне нужно находиться здесь. Я должна была быть здесь уже несколько месяцев назад. И дело не только в моей матери, за которой нужно ухаживать.

— Эй, Марианна, кстати, — говорит Колетта. — Джесс спрашивал о тебе в пабе прошлым вечером. Все, люди, держите под замком своих дочерей. Он снова одинок, с прошлого месяца.

Мое сердце колотится.

— Боже, да неужели? — Джесс всегда опаснее, когда не привязан к постоянной подруге.

— Ну, насколько я знаю, ему удалось выйти из этих отношений, никого не обрюхатив, так что это уже прогресс.

— Ха. — И тут меня осеняет. — Пожалуйста, скажи, что ты не говорила ему про это место!

Я вижу по ее лицу, что говорила. Вот так, да. Это не так просто преуменьшить, как то, куда я ездила в отпуск в нынешнем году. Я не смогу скрыть наличие второго дома. Я глотаю свой кофе и мысленно желаю, чтобы это оказалось вино.

— Джесс узнал, что у меня здесь квартира, раньше, чем я сама? — спрашиваю я со стоном. — Я думала, ты дала Сэму слово держать все в секрете.

— Да, от тебя. В чем дело? Тоже мне, проблема. Джесс был рад, что у тебя все хорошо. Ну извини. — На какое-то мгновение Колетта не сиделка, жена и мать, а снова моя младшая сестренка, скрывающая свою боль за раздражением. Ее возмущало не то, что я сбежала — безработица в сельских общинах сейчас даже хуже, чем в моем детстве; множество народа покинуло Настед в поисках работы, поэтому начальной школе постоянно грозит закрытие, — а то, как именно я это сделала.

Затем сестра смягчается и даже глупо хихикает, так что я вижу следы ее девичьей влюбленности в Джесса.

— Он застал меня врасплох, взял мне выпивку. Он был щедр под влиянием мо-

мента, получил возможность шикануть разок в своей нищеводской жизни.

Я могла бы помочь Джессу деньгами, но какими бы путями ни появлялись у него деньги, это всегда оказывалось ненадолго. Если он выигрывает в лотерею, то побежит позировать для всех газет с гигантским чеком на семизначную сумму, а через год станет продавать свою историю «От богатства к лохмотьям» тем же газетам за пятьсот фунтов.

— В любом случае, чего ты ожидала? Что ты будешь жить за углом, а он ничего не узнает?

В идеале — да, но это Настед, где обратная сторона сообщества — отсутствие частной жизни. Она права. А может, так и лучше — что Джесс узнал об этом по «сарафанному радио». Так он сможет лучше пережить свое недовольство собой.

— По-моему, это очень романтично, — говорит Колетта. — То, что ты все еще испытываешь к нему нежные чувства спустя столько лет.

Я ничего не могу сказать в ответ на это и почти рада, когда мама перебивает:

— Я слышала вас с ним, знаешь ли. Елозящими на диване внизу. — Она вернулась в комнату, но не в настоящее время. — Вы не такие шумные, как вам кажется. Я не вчера родилась. Вы пользуетесь презервативами? — Я бросаю взгляд на Колетту в полушутливом ужасе. Слава богу, что Сэма здесь нет. — Не забывайте про них, — продолжает мама, и Колетта прикусывает губу, чтобы удержать рвущийся наружу

50 смех, — он старается быть ответственным,

я полагаю. Думаю, он чувствует, что должен таким быть, после того что случилось с его братом. Такое ощущение, что он хочет как-то это компенсировать. Знаешь, что один из его братьев попал в тюрьму? Тот, похожий на картофелину. Ты знаешь, что он сел за продажу наркотиков? Что касается того, который работает на круизных теплоходах. Ты видела его прическу? Он стыдится их. Обещай мне, что ты не останешься с ним до конца своих дней! Хочешь сделать хорошую карьеру — уезжай прочь из Настеда и найди себе правильного парня.

Я сжимаю ее маленькие высохшие ладони в своих.

— Я обещаю, — говорю я, потому что хочу, чтобы мама была счастлива. И потому, что легко давать обещание, которое ты уже выполнила.

Глава 7

— Только на маленькую щелку, впустить немножко воздуха. — Я открываю окно, хотя знаю — мама закроет его тут же, как только я отвернусь. В доме Колетты стоит привычная духота. На улице температура не ниже, чем двенадцать градусов тепла, однако отопление работает так сильно, что трудно дышать. Возможно, маме нравится жара потому, что наш старый дом был холодным, но как жительница Лондона я нахожу обидным иметь столько свежего воздуха вокруг, но не иметь возможности дышать им вдоволь.

Колетта ушла по магазинам, обрадованная так, словно я вручила ей недельную путевку на Ибицу. Я не понимала, что дело дошло до стадии, когда прогуляться до супермаркета стало для сестры само по себе удовольствием. Я помогаю маме вымыть руки, убираю возле унитаза после того, как она немного промахнулась, проверяю, подтерлась ли она как следует, и привожу все в порядок перед тем, как оставить ее в ожидании Семейного Обеда Со Мной. Я выполняю эти дела энергично, потому что не устала от них так, как Колетта. Я успеваю положить белье в стирку, почистить внутренности холодильника, сменить фильтр пылесоса и даже пропылесосить. У мамы есть собственная полка в гостиной, над книгами Колетты и под спортивными призами Мэйзи и Джека. Она заставлена фарфоровыми безделушками и нашими детскими фотографиями в серебряных рамках. На одной из них я тем летом, в которое сошлась с Джессом, незадолго до этого. Вся в веснушках, розовые щеки не то чтобы цветут, а скорей собираются лопнуть.

Я делаю перерыв, чтобы пообщаться с Хонор в интернете. Она опубликовала несколько художественных снимков Королевской воксхоллской таверны на рассвете. Это прекрасные фотографии, но я не могу любоваться ими, поскольку знаю, что из своего окна она может снять этот паб, только высунувшись под смертельно опасным углом.

Есть и другие новые работы, и мне нравится то, что я вижу: дочь сделала инсталляцию — человеческий мозг из старых табле-

ток и блистеров от них. Я пишу под этим: «Горжусь тобой, дорогая! Мама» и ставлю смайлик поцелуя.

Хонор пишет мне в ответ:

«Ты можешь перестать комментировать в моем «Инстаграме»? Это выглядит очень подилетантски. Мне придется это удалить.

Мои работы без преувеличения тянут на степень по истории искусства! Это профессиональное мнение.

По крайней мере перестань подписываться: «Мама»!»

Она ставит улыбающийся смайлик, смущенный смайлик и эмодзи со сварливой старушечкой, чтобы показать, что она на самом деле так не думает.

В соответствии с пространными инструкциями Колетты на бумажке двенадцать часов дня — время обеда.

«Будь требовательна — убедись, что она съела по крайней мере две трети того, что у нее в тарелке».

Мамины вкусы вернулись ко вкусам детства, но не ее детства, а моего: она живет на повторяющемся меню из консервированного томатного супа, магазинных пирогах и, как сегодня, — на рыбных палочках, которые я сожгла на непривычном гриле Колетты. Мама по-прежнему сидит прямо и держит столовые приборы так, словно ест на каком-то важном государственном банкете. Я удивляюсь, как же часто в детстве мне напоминали, что хорошие манеры стоят дешево, а ценятся дорого. Она с характе-

ром, моя мать: она родилась на поколение раньше, и ослиные крики раздавались у ее порога каждое утро. Теперь она промокает уголки рта куском кухонного бумажного полотенца, оторванного от большого рулона, с таким видом, словно это тончайшая египетская хлопковая салфетка. Это крошечное проявление достоинства разбивает мне сердце.

Закончив, мама отодвигает свою тарелку. Я срываю верхушку с йогурта детского объема. Мама держит ложку и не знает, что с ней делать. Она может переключаться между дееспособностью и беспомощностью дюжину раз за минуту. После секундного замешательства она сжимает ее в кулаке и смотрит на меня, с надеждой моргая, — испрашивая подтверждения, что она все делает правильно. Я киваю в знак одобрения:

— Он с клубничным вкусом.

— Не надо меня опекать! — рявкает она. — Я не настолько тупая идиотка!

Любой, кто скажет вам, что уход за кем-то с деменцией напоминает заботу о ребенке — просто не понимает, о чем говорит. Дети — это маленький плотный клубок из скрытых до поры умений, постепенно разматывающийся. Здесь же верно обратное. Это тяжелая монотонная работа, без возможности ее отложить и без перспектив: просто отчаянная попытка отсрочить неминуемое.

Когда Колетта открывает дверь, я удивляюсь, как она до сих пор сама в здравом уме.

Подсказка кроется в магазинных пакетах, сваленных ею на кухонный стол: литровая зеленая бутылка джина.

— Спасибо, дорогая, — говорит Колетта, развязывая кухонное полотенце, обернутое вокруг маминой шеи, прежде чем я успеваю это сделать сама.

— Не благодари меня постоянно. Звучит так, словно мама — твоя работа. Весь смысл моего приезда сюда как раз в том, что это наша общая забота.

Я вижу по лицу Колетты, что это только ее работа; что на самом деле она не хочет ее ни с кем разделять. Я понимаю: я была такой же, когда Хонор только родилась. Это единственное, что здесь сравнимо с воспитанием детей. Ночные кормления были только на мне.

— Где твоя машина? — спрашивает сестра.

— В больнице.

Колетта смеется:

— И как долго ты собираешься звать это «больницей»? Это не больница с восьмидесятих годов.

— Не могу заставить себя называть это Парк-Ройал-мэнор. Это такая словесная мастурбация агентов по продажам.

— Тогда хотя бы называй это квартирой. В этом доме достаточно разговоров о больницах и без того, чтобы ты подбрасывала еще один для кучи. В любом случае — почему ты оставила машину там? Тебя подвезти?

— Мне захотелось прогуляться через болота.

Колетта смотрит на меня так, словно я собралась во Францию вплавь через Ла-Манш.

— Я просто хочу проветрить голову от всего, ясно? Увидимся завтра.

Снаружи я делаю глубокий, очищающий вдох. Неба вокруг слишком много, как будто планета специально выгнула спину в этом месте, чтобы показать мне все красоты сразу. Когда я была ребенком, не получилось бы так просто пройти от Настеда до Назарета. Топь являлась естественной преградой между больницей и городом. Несколько лет назад это болото — одно из трех в Саффолке — было объявлено природным заповедником, и через него от края до края проложили трехмильную деревянную дорогу из старых шпал. Кажется, это почти нечестно — идти через болото по ней, непривычно высоко среди тростника. Тротуар достаточно широк, чтобы смогли разойтись два взрослых человека, но, несмотря на всю кампанию по агитации за его строительство, по нему никто не гуляет — здесь нет никого, кроме меня. Камыши тихо шепчутся вокруг. Черные угри извиваются в болотной жиже по сторонам, словно чернильные запятые, превращающиеся в тире и обратно.

Я распускаю волосы, чтобы выветрить из них запах подгоревших рыбных палочек, и набираю полную грудь воздуха, стремясь надышаться перед возвращением в Лондон. А хотя — когда я вернусь в Лондон? Если Хонор приедет ко мне, если мы сможем сделать это регулярным — нет необходимости возвращаться до Рождества. Брести среди этих пейзажей, основная примечательность которых — отсутствие всякой примечательности, — и есть возвращение домой. Я снова здесь живу. Вопреки всему, есть некая справедливость в том, что я опять тут. За-

вершенность. Как только мои ноги привыкают идти по шпалам, начинается пологий подъем, болото переходит в кочковатое поле, а тротуар — в грунтовую тропу. Я прохожу под жужжащей опорой линии электропередачи. Иногда я вижу чьи-то старые следы, подсказывающие мне, что я не сбилась с тропинки, как будто не существует громадной башни, указывающей направление. Я собираюсь с духом и поднимаю взгляд к горизонту. Мне удастся задержать их на башне на целых десять секунд. Этому помогает, конечно, и то, что башня — реконструкция, и нелепое чувство преимущества оттого, что я приближаюсь к ней с тыла, словно собираюсь в одиночку идти на приступ. Глупость, на самом деле. Место не может схватить тебя, и камни не рассказывают историй.

Мои мысли возвращаются к Джессу. В следующий раз, когда я его встречу, у меня не будет оправданий стремлению закончить беседу поскорее, прежде чем ее интимность поднимет свою уродливую голову. Обычно я моталась между «Оком», Ипсвичской больницей и домом Колетты. Мы свели наши отношения к коротким разговорам на улице. Время от времени каждый из нас обращался к другому с какой-либо просьбой — контрольный тест для нашего договора на крови. Это были как маленькие одолжения вроде того, когда у меня закончилось масло на шоссе А11, так и крупные, как случай с проваленным тестом на ДНК. Но такого не происходило уже несколько лет. Это напоминает естественное отдаление друг от друга с годами двух

старых приятелей. Вернее, нет: это я отдаляюсь от него уже много лет. Так медленно, что не думаю, что Джесс заметил.

Колетта ошибается. Нас связывает не нежность, не остаточная подростковая влюбленность. Мы любезны друг с другом оттого, что нам приходится.

Иногда я боюсь, что в один ужасный день он неосторожно позволит правде проскользнуть в разговоре с братом или коллегой за кружкой пива. А иногда верю в молчание Джесса даже больше, чем в верность Сэма и в привязанность Хонор ко мне. Но это, конечно, трехсторонний договор: вечно болезненный маленький треугольник между Джессом, мной, одним из прочных его углов, и Хелен Гринлоу, настоящим монстром под кроватью, непредсказуемой третьей точкой.

И когда я думаю о ней, то понимаю, что основание нашего треугольника так же твердо, как болото.

Глава 8

Я начинаю привыкать к этому месту. Теперь я могу подойти к нему и не чувствовать боли. Этому помогает то, что исчезли прежние огромные деревянные двери. Мне нравится как прозрачность, так и практичность раздвижных стеклянных. Сейчас через них проходит стайка женщин с ковриками для йоги под мышками. Они расступаются, и я вижу чело-

века, стоящего спиной ко входу, одетого во все черное. Мое сердце учащенно бьется. Я поворачиваю кольца на левой руке так, чтобы бриллианты смотрели внутрь и платина могла бы сойти за серебро. Он распустил волосы. Локоны на голове блестят под лампами, как воронье крыло, настолько черные, что они, должно быть, покрашены. Я не удивлена: я и не ожидала, что он вырядится по-другому в такой особенный, «темный» вечер.

Ладно. Так. Я скажу ему, что мы арендуем эту квартиру только на пару месяцев. И если Колетта наплела ему, что это наш второй дом, — то она ошиблась.

— Джесс...

Он медленно оборачивается, и на долю секунды нам снова по семнадцать. Морщины на его лбу углубились, но улыбка по-прежнему молодая; у него всегда были самые белые зубы, самые яркие губы. Раньше я знала эти губы лучше, чем свои собственные.

— Малышка. — Никто, кроме него, не называл меня так, и мне бы хотелось, чтобы он нашел иное слово для выражения нежности. Так же он называл и Мишель. Я закрываю глаза и вижу лицо Мишель. Ее яркие краски; оранжевые, розовые, голубые, такие неуместные среди размытой серости и тусклой желтизны Назарета.

Джесс внезапно берет меня за подбородок — странный отеческий жест, более интимный, чем объятия. Я не знаю, как назвать то, что я до сих пор чувствую, прикасаясь к нему: даже наша страсть неравноценна. Секс в утешение

после похорон создал прецедент, заставивший Джесса думать, будто я всегда трахаюсь спонтанно, но я бы не стала проделывать такого с Сэмом. Это плохо бы отразилось на его неведении о способностях жены наставить ему рога в том числе. Джесс, конечно, притягателен совершенно вне всякой конкуренции. Мне достаточно сказать лишь одно слово, только нажать одну кнопку «назад», чтобы снова обладать им.

— Ты прекрасно выглядишь, — говорит он, и я люблю его за то, что он не использует слова: «все еще». Оскар весь — одно большое ухо за своей изысканной цветочной витриной.

Джесс открывает рот, а затем снова закрывает. Старая привычка, означающая, что он настраивает себя, прежде чем сказать что-то важное. Он так же глотал воздух перед всеми своими громкими заявлениями: «Я влюблен в тебя», или: «Меня посетила безумная идея», или: «Пожалуйста, малышка, пожалуйста, не бросай меня разбираться с этим самостоятельно».

— Ты не пригласишь меня войти? — На мгновение мне кажется, что он произносит эту фразу, желая напомнить о былых временах, когда он говорил так перед моим старым домом на Мэйн-стрит, прежде чем я соображаю, что здесь ему требуется мое разрешение, чтобы пройти внутрь. — Не смог проскочить мимо этого бюрократа. Было легче сюда попасть, когда тут находилась больница! Он всего лишь долбанный зазнавшийся администратор. Он даже не местный!

— Простите, Оскар. Я разрешаю его пропускать, внесите его в список. — Объ-

являя об этом открыто, я снижаю ощущение тайности нашей встречи. Я замечаю машину Джесса, красную «Ауди-ТТ», припаркованную на одном из мест для гостей. Колетта оказалась права; в данный момент у него есть деньги. Он примерно в том возрасте, чтобы уже выплатить ипотеку. За исключением Парк-Ройал-мэнор, дома здесь в округе доступны даже на скромную зарплату, а Джесс никогда не сидел без работы.

Мы ожидаем лифт. От Джесса пахнет, как всегда, мылом, кожей и машинным маслом. Он оказал себе дурную услугу, покрасившись; седые волосы ему бы пошли. Когда Джесс был молод, то имел настолько яркие и длинные ресницы, что лишь мужественные черты его лица удерживали от впечатления, будто он носит макияж, — но теперь белые брызги в бровях и щетине смягчили этот эффект.

— Я всегда знал, что в конце концов ты вернешься домой.

— Это не насовсем, это только пока мама... — Слова застревают у меня в горле.

— О, малышка, я знаю. Мы вошли в тот возраст, когда такое случается, не так ли? С кем ни заговори — почти у всех умирающие родители. Круговорот жизни. Думаю, внуки удерживают от края. Я покажу тебе потом фотографию маленького сына Мэдисон. Его зовут Кори. Ему сейчас уже полных два года.

Мне следовало бы спросить об остальных его детях, но я никогда не могла запомнить — с кем он еще видится, а от кого отстранил-

ся. Стрелка на табло возле лифта переключается с верхнего направления на нижнее.

— Как там Клей? — Это имя я произношу с осторожностью.

Джесс надувает щеки.

— Он просто кошмар, что еще сказать? Выглядит так, будто все гладко и ровно, но никогда по-настоящему не знаешь, что с ним. — Это горькая ирония, что, несмотря на работу Джесса — он хоть и не медбрат в психбольнице, как его собственный отец, но бригады скорой помощи регулярно доставляют туда районных пациентов, — когда душевное расстройство происходит в непосредственной близости, его реакция скорее «избегать», чем «обсуждать». Наше прошлое, конечно, может иметь к этому какое-то отношение.

— А Марк и Триш?

— Мама-папа? — Он всегда упоминал своих родителей вместе, одним составным словом, как бы подчеркивая, насколько они близки как пара. Это то, чего он ожидал от нас с ним. «Он винит в нашем разрыве произошедшее, а не меня» — этой своей фантазии я потакаю в равной степени из доброты и малодушия. — Они в порядке, учитывая обстоятельства. Ты знаешь, что она теперь практически прикована к дому? Думаю, они хотели бы встретиться с тобой, пока ты тут. У тебя не получится на этот раз использовать свою обычную отговорку, что ты мимолетом.

Мне не верится, что он просит меня об этом.

Разве я могу взглянуть им в лицо, после того как поступила с их сыном?

— Я... э-э... ну, я не знаю... это может показаться немного странным...

— Спроси себя сама. Чайник, как говорится, у них всегда на плите.

Двери лифта вздыхают, открываясь. Возможно, это и мой дом, но Джесс вводит меня внутрь все еще с остатком собственнических чувств по отношению к этому месту и ко мне. Мы встречаемся глазами в зеркале и с легкими улыбками смотрим на свои смягченные и постройневшие отражения. Я знаю, о чем он думает: мы по-прежнему выглядим хорошей парой.

— Как дела у Хонор?

— Тоже все ровно, более-менее. Трудится, чтобы получить Би-Эй. — Как только я это произношу, то понимаю, что аббревиатура, означающая степень бакалавра, до него не дойдет, однако объяснять было бы снисхождением. — Голдсмит-колледж, в Южном Лондоне. Она делает инсталляции из татуированных кусочков кожи. По крайней мере, пока она протыкает иглой старую кожаную сумку, она не режет себя. Колетта сказала тебе, что она была в «Лиственнице»?

Джесс кивает. Мне не нужно объяснять ему, что такое «Лиственница». Это нечто вроде монастыря или реабилитационного центра; название, понятное для посвященных, место, где вы притворяетесь, что решили завязать после того, как снова перебрали просекко на Рождество; автобус номер шесть нашего времени.

— У нее было несколько ужасных лет, но ее новое лекарство, кажется, ей подходит, и она уже шесть месяцев без рецидива, так что... 63

Лифт выпускает нас в сверкающий коридор. Джесс выходит первым.

— О, это великолепно, — говорит он, хотя и неясно, какое именно достижение он имеет в виду. — Хорошая девочка. А как поживает То, Что Я Зову Сэмом?

Джесс придумал это прозвище после того, как увидел сборники хитов на компакт-дисках в моем бардачке — «То, Что Я Зову Настоящей Музыкой». Сэм покупает их вместо оригинальных альбомов. Он обычно говорит: «Чтобы быть на одной волне с молодежью», когда объясняет эту привычку. Я обдаю Джесса холодом презрения:

— Сэм в порядке. — Я не упоминаю ни о строительстве школы, ни о прошлогодней награде.

— Дай-ка мне сориентироваться... Это какая вообще сторона — мужская или женская?

Я смотрю на него во все глаза.

— Ты серьезно? — Не могу поверить, что схема этого здания не отпечталась в его мозгу так же, как и в моем. Мысль о провалах в памяти Джесса должна бы утешить меня, но нет. Мне нужно, чтобы он меня помнил.

Он смотрит в окно.

— Отсюда видны домики. Это значит, здесь должен был раньше находиться изолятор, в котором... — Его улыбка постепенно превращается в похотливую, и я возвращаю ему ее облегченную версию, стремясь похоронить плохие воспоминания под хорошими.

Когда Джесс наконец перешагивает порог квартиры, то среди высоких потолков

и всего этого неброского шика словно теряет пару дюймов своего роста. Квартира с головой выдает мое богатство, как если бы внезапно из лейки душа потекло жидкое золото.

— И это даже не твой основной дом... Кровь и преисподняя, малышка!

Это лишь малая видимая часть бушующих в нем эмоций, и хотя фраза, видимо, должна выражать одобрение, я чувствую себя будто припавшей на задние лапки.

— Присаживайся, — говорю я. — Давай я принесу тебе выпить.

Диван поглощает Джесса целиком. Из его джинсов вываливается телефон — древняя модель «Нокиа» из первого фильма «Матрица», которую Хонор всеми правдами и неправдами мечтает заполучить.

— Чертова хреновина, — ворчит Джесс, запихивая ее обратно в задний карман.

— Это настоящий музейный экспонат. У тебя есть смартфон?

— Не нужен, — отвечает он. — Мне вполне достаточно выглянуть в окно вместо того, чтобы пялиться в экран целыми днями. Я не могу заставить своих детей посмотреть мне в глаза из-за этих штук.

— вполне справедливо. — Мне интересно, пошло ли бы у нас все по-другому, если бы в нашем детстве интернет всегда был под рукой. Полустершиеся подростковые переживания, по большей части скука, любопытство, наивность — вот что у нас было. Однако это нас не оправдывает. Ничто не может оправдать нас.

— Чай? — предлагаю я. — Кофе? У меня есть «Неспрессо».

— Ладно, «Старбакс», притормози-ка. Есть баночное пиво?

— Есть бутылочное. — Я показываю ему бутылки, выстроившиеся на дверце холодильника, словно игрушечные солдаты. Джесс берет две, открывает первую не замеченной мной ранее открывалкой, прикрепленной к стене, и в два глотка высасывает всю ее один. Он смотрит на этикетку.

— Так вы действительно миллионеры теперь, выходит?

И тут я лгу; настоящей ложью, но только чтобы спасти его гордость:

— Мы это просто арендуем.

Его щеки теряют румянец. Что я такого сказала? Его рука крепко обхватывает бутылку, костяшки пальцев белеют. Джесс отворачивается к окну и смотрит через болото на Настед.

— Нет, это не так, — говорит он тихо. — Мэдисон работала раньше здесь агентом по продажам. Они продали выставочный образец архитектору из Лондона. Не жалея меня, Марианна...

Слишком поздно. Я вижу, что лучше было бы причинить ему боль честно.

— Я не хочу... Я не хотела...

— Все прошлые разы я ныл о деньгах, а ты ко мне присоединялась, как будто мы оба в одной лодке. Господи! Ты, наверно, хорошенько повеселилась за мой счет.

— Джесс, нет... и никогда не буду. Я просто... я не хотела, чтобы ты чувствовал се-

бя не в своей тарелке из-за того, что я жила... — Я чуть не говорю «лучше», но вовремя себя останавливаю. — ...Другой жизнью, чем та, которая была у нас с тобой.

Вена вздувается на его шее, как угорь:

— Так даже еще хуже!

— Ну вот — теперь ты знаешь и ведешь себя странно.

— Мне не нравится, когда меня обманывает единственный человек в мире, которому я могу доверять, ясно тебе? Я имею в виду все то, что между нами было. Господи Иисусе! Даже маленькая ложь — это огромная ложь, если она исходит от тебя.

— Я понимаю. Прости.

— Что бы с тобой ни произошло, ты всегда будешь моей Марианной Смай из Настеда. — Он берет стакан из моей руки и приближает свое лицо к моему. Мы чувствуем притягивающий жар друг друга. Я знаю лицо Джесса, когда он в игривом настроении, и это не оно: сейчас речь о власти, о возвращении к единственной точке, в которой мы все еще равны. Отчаянная, испуганная часть меня на секунду задумывается — не предложить ли ему себя в качестве извинения. Когда я кладу руку ему на грудь, то чувствую сердцебиение, быстрое, как у ребенка. Прежде чем я замечаю это движение, его рука оказывается между моих ног, и наше прежнее влечение снова здесь, подтвержденное учатившимся пульсом. Это было бы так просто. Это поставило бы его мозги на место. И тогда я думаю о Сэме и Хонор.

— Ты же знаешь, что теперь нам лучше оставаться просто друзьями.

— На нашу долю и так выпало слишком много грязи, чтобы чего-то бояться, я считаю, — говорит Джесс, не убирая руку.

— Твою мать, Джесс! Ради всего святого! — От моего толчка он убирает руку, но мои кольца развернулись обратно, и самый большой бриллиант зацепился за петлю на его свитере. Мы оба смотрим, как темно-синяя шерсть тянется за сверкающим камнем, распускаясь и обнажая голое тело под свитером. Дальше наступает мучительный момент, когда он втягивает живот, пока я выпутываю палец. Я жду извинений, однако вижу только вызов в его глазах. — Я хочу, чтобы ты ушел.

Джесс поднимает обе руки в насмешливом признании поражения и отступает, покидая квартиру. Кусочек темной шерсти застрял между двумя маленькими бриллиантами на моем «кольце вечности»*, и мои руки, вытаскивая его, трясутся слишком сильно. Что, черт побери, сейчас произошло?

Глава 9

Лицо Хонор заполняет экран, прикрывая красочный беспорядок на заднем плане. Ее новое жилье находится в Воксхолле, невзрач-

* Кольцо с камнями по кругу, символизирующее вечность. Обычно дарится на круглую годовщину свадьбы.

ном маленьком анклавe между новостройками, в двух минутах ходьбы к югу от Темзы. Даже такие ранимые студенты не имеют на втором курсе отдельных комнат в общежитии, а расписание психологической поддержки Хонор и ее потребность контролировать свою среду обитания означают, что ей удобно жить только одной. На этой неделе ее волосы светло-голубые, в носу сталь, розовое золото в носовой перегородке и на брови. Это всегда жутко видеть — мое же лицо, омоложенное и затем испорченное.

Нечто странное болтается на бельевой веревке за ее плечом: я собираюсь сказать ей, что постельное белье никогда не высохнет сложенным вот так, когда понимаю: грязно-розовая «наволочка» сделана из кожи, и у нее еще есть ножки и хвост.

— Хонор! Это что еще за хрень?

Она пропускает вопрос мимо ушей из-за собственного беспокойства:

— Ты плакала! — Это не хитрость, ее взволнованность искренняя и неожиданная. После того как Джесс выбежал из квартиры без извинений, я заревела. Я-то полагала, мне удалось скрыть свои покрасневшие глаза под макияжем и тусклым освещением.

— Просто немного устала, вот и все. — Я никогда не позволю Хонор видеть меня расстроенной; любая мелочь может спровоцировать срыв. — Хонор, это свинья?

— Я бы почувствовала, если бы ты заболела. Со мной было бы то же самое, — говорит она, сморщив подбородок. Чувство вины 69

сильно давит; конечно же, она думает, что я плакала из-за своей матери. — Бедная мама. Хочешь, поговорим об этом?

Сколько раз я задавала ей этот вопрос через замочные скважины, по плохим телефонным линиям, на больничных койках? Я отрицательно качаю головой, Хонор жуёт губу, а затем немного меняет тактику:

— Давай тогда посмотрим новую квартиру! — Хонор потирает руки. — Там, наверно, готично до чертиков? Камеры с обивкой, смирительные рубашки, подземелья, кандалы, свисающие с потолка?

— Почти. — Я разворачиваю айпад экраном от себя и показываю гостиную с кухней, вода им по сторонам.

— О, какое разочарование. Они даже не оставили решетки на окнах. Этот диван отвратителен. Отвратителен! Как вы можете жить с этой картиной-репродукцией, мама? Это ужасно, убери ее немедленно. От такого случается мозг рака.

Я начинаю смеяться.

— Не могу. Она намертво приколочена к стене.

— Но мне нравятся светильники и кофеварка. Ох ты ж, там эти ужасные плитки из метро. В общем, они упустили блестящую возможность подчеркнуть характер здания.

— Не думаю, что они смогли бы продать много квартир, если бы оставили бурые стены и гниющие полы.

70 — Тогда бы я там жила.

— Ты не их целевая аудитория. Это немного... для жен футболистов.

— Это совсем-совсем новодел для нуворишей? — спрашивает она весело. Хонор обожает все подлинное. В ее мире все делится на оригинал и штамповку, на искусство и ремесло, и это перевернутая версия того снобизма, который она подмечает во мне. Я хотела всего самого лучшего для нее, но все равно беспокоилась, что воспитываю маленького сноба с прекрасной школой и фортепианными уроками. Однако если уж на то пошло — маятник качнулся в обратную сторону, и Хонор наслаждается тем, что называет своими «рабочими корнями». Она может принимать или отвергать родню Сэма из крепкого среднего класса, но любит она своих деревенских двоюродных брата с сестрой. Это возможность выбора, роскошь, рожденная привилегиями, — ей никогда не было холодно или голодно, когда она росла, — однако я не читаю ей нотаций. С Хонор я предпочитаю — сражение. Когда вы знаете, что в некоторые недели уходит каждый день по три часа на то, чтобы помочь ей принять душ, когда вы держите ее за запястье, чтобы она могла печатать свою курсовую работу, когда вы спите на пороге ее спальни, чтобы быть там на случай, если она проснется среди ночи и снова отправится на поиски острых предметов, — общественные приличия отходят на второй план.

— Милая, ты опять за свое? Я сама полный нувориш. А ты — половинка нувориша.

Хонор смеется. Я так люблю, когда она смеется. Я заговорщически наклоняюсь к экрану:

— Здесь в Парк-Ройал-мэнор много «новых денег». Некоторым из них даже пришлось самим покупать себе ювелирные украшения*.

— Господи помилуй! — Она морщит нос. — Дальше ты собираешься увлекательно рассказывать мне, что они не получили в наследство свое столовое серебро?

— Ты выглядишь счастливой, — отмечаю я — и делаю ошибку: ей не нравится думать, что за ее настроением следят.

— Я в порядке, — говорит Хонор. — Не трать силы на беспокойство обо мне. Прибереги их до той поры, когда они мне понадобятся. — Она убирает волосы от лица и звенит браслетами. Годы того, что она называет «исцеляющей резкой», оставили бледные шрамы на предплечье, будто следы кошачьих царапин. Хонор сделала тату поверх самых ужасных, и я теперь могу смотреть на них без содрогания. Даже на тот, внутри правого локтевого сгиба, где она разрежала веснушку, которая превратилась в причудливый шоколадный мазок, когда зажила.

— Ты можешь дать слово, что говоришь правду?

Она смотрит мне в глаза так неподвижно, что я задумываюсь — не тормозит ли экран.

— Не начинай.

С тех пор как она стала достаточно взрослой, чтобы это воспринять, — я говорила ей, что она всегда может сказать мне правду. Что она всегда должна говорить мне правду. Я сознаю свое

* Более благопристойными считаются «старые деньги» и украшения, перешедшие по наследству.

грубое лицемерие. И задаюсь вопросом — почему я настаиваю, чтобы дочь рассказывала все мне, в то время как многое обо мне она никогда не узнает? Думаю, ответ таков: если я воспитаю в ней дух честности — тогда, что бы ни случилось, она сможет рассказать мне. Я не наивный родитель, который считает своего ребенка неспособным на зло. Мой опыт подсказывает, что каждый способен на все, и я простила бы ей все что угодно. Я простила бы Хонор даже то, что не могу простить себе.

— Хонор, мы можем поговорить о шкуре свиньи, висящей в двух футах позади тебя?

— Все в порядке, эту кожу обработал таксидермист.

— Это вряд ли... — Но я сдаюсь. Все равно на следующей неделе появится что-нибудь новенькое. — Слушай, Хон, твоя бабушка хочет с тобой увидеться. — Это неправда; мама может даже не узнать внучку. На самом деле это я хочу увидеться с ней. Я нуждаюсь в ней. — Папа приедет в пятницу вечером. Ты сможешь присоединиться.

— Прелестно. Нам будет чем заняться — всю дорогу слушать сиди-плеер. Ладно, до связи.

Хонор тянется, чтобы поцеловать экран, и на мгновение ее лицо точно совпадает с моим отражением — под всеми инъекциями коллагена такая же костная структура. Когда она прерывает звонок, иллюзия исчезает, и я снова женщина средних лет, глядящая на свое обвисшее лицо. Это застает меня врасплох — волна горькой зависти, которую я чувствую к Хонор

с ее ранних лет; у меня перехватывает дыхание. Не только потому, что она выглядела счастливее тогда, чем я в свое время, но и потому, что наши отношения были честными. Самыми честными, которые я когда-либо с кем-либо имела. Если слово «близость» означает глубокое понимание и любовь в любом случае, что бы ни произошло, — то оно не может описать мой брак или неловкое перемирие, которое сложилось у меня с Джессом. У меня было четыре любовника в жизни, однако настоящую близость я чувствовала только со своей маленькой дочерью — эйфорию от узнавания ее основных потребностей и возможности их удовлетворить. Все то, что я видела от своей матери, не могло сравниться с моей исключительной, продуманной близостью с Хонор. Мать вернулась на работу через шесть недель после того, как родила меня. В те дни не было отпуска по беременности и уходу за детьми, и ей пришлось бы работать, даже если бы мой отец знал о моем существовании. В народе бытует выражение «больше не цепляется за мамин фартук» о подросших детях, но возникающий уютный образ хлопковых завязок не передает всей внутренней тоски, когда ребенок, который, казалось, совсем недавно учился говорить и ходить, — неизбежно отдаляется от вас. Когда они уходят, это похоже на вытягивание из вас всех жил.

Я до сих пор знаю дочь лучше, чем кто-либо другой, и понимать, через что она проходит, — это как заглядывать через открытую дверь в ад. Когда Хонор впервые заболела, я по-

думала: а вдруг безумие передалось ей с моим молоком, однако эта мысль была недолгой. Вина — это яд лишь в моей крови. А моя дочь — моя карма, воплощенное возмездие. Не только то, что она больна, но и сама природа ее болезни. Джесс был единственным суеверным из нас, единственным, кто верил одновременно и в рай, и в ад, и в реинкарнацию, но даже я должна признать, что это не похоже на совпадение. Когда Хонор попыталась покончить с собой, то не порезала запястье, а взяла новое бритвенное лезвие и полоснула по плечевой артерии. «Запястья — для гламурных кис», — сказала она в больнице. Вертикальный разрез показывает серьезность намерений; таким образом вы истечете кровью намного быстрее. В этом вся Хонор: яркая, сосредоточенная и всегда «на стиле», даже задумывая суицид.

«Как» — легко получилось выяснить, она почти гордилась тем «как».

«Почему» — заняло больше времени. Красная от стыда, я по капле выдавливала из нее правду, сидя возле больничной койки. Хонор прочитала сообщение от Джесса на моем телефоне насчет наборов для теста на ДНК, — неизбежный исход, когда твое потомство такое же непредсказуемое, как и его, — и оказалась охвачена убеждением, что Сэм не ее настоящий отец и я лгала им обоим всю жизнь. Ее «образ меня» разбился вдребезги, и она взялась за лезвие.

«Это было достаточно паршиво — думать, что я не та, кем себя считала, но мысль

о том, что и ты не такая, какой казалась, — была еще невыносимее».

Ее реакция была неадекватной, я знаю, но это явилось демоверсией того, что она может совершить, если всплывет еще более худшая правда. Подозрение во лжи заставило ее потянуться за бритвой; правда может в буквальном смысле убить ее. И поэтому я опекаю ее в двадцать лет, так же как — вернее, даже больше, чем — в два года, в десять, в двенадцать. Колетта и Сэм называют это «душить заботой», однако их там не было, они видели только бинты.

Мир полон острых предметов, а под нежной тонкой кожей боль и тайны бегут по артериям и венам вместе с кровью.

Глава 10

«Корона» не изменилась с тех пор, когда я была подростком, — все те же матовые окна с выгравированным логотипом пивоварни, через которые жены не могут заглянуть внутрь. Я вполне вписываюсь в местный дресс-код со своей толстовкой и спортивными штанами. Удивительно, но чувствую я себя как дома. Или, возможно, я торчу, как мозоль на пальце, и просто обманываю себя, думая, что никто не обращает на меня внимания.

Я сижу в «пивном саду» — шесть столов для пикника на бетоне переднего двора. Отсюда Настед выглядит красивым и старинным. На

76 Мэйн-стрит нельзя оставлять машины, и

только спутниковые тарелки на террасах домов выдают, какой сейчас век. Старый рабочий клуб и «новые» дома, в которых Джесс вырос и живет по сей день, скрываются за высокими дымоходами. Парочка подростков целуется среди маков у мемориала. У меня с языка готово слететь словечко «ишь ты!» из арсенала рыбацких жен — несомненно от Дебби Смай.

В сообщении, которое вызвало меня сюда, говорилось: «Мне нужно сказать тебе кое-что важное», и я подумала, что мне тоже есть что сказать. Джесс возле бара, покупает мне полпинты саффолкского сидра. Я вижу его через открытую дверь у бара, явно репетирующего свои извинения в ожидании меня, — нога на медной подставке, рука нервно вертит десятку. Мне интересно, какую фразу он скажет: «прости, что приходил к тебе», возможно, или «я не знаю, о чем только думал». И я должна как-то ответить. Я не могу отрицать, что была неуклюжей, и не против отыграть все назад, если это новый поворот наших отношений.

— Некоторые вещи никогда не меняются, — говорит Джесс, кивая на пару подростков. — Все возвращается, не так ли?

Он имеет в виду нас? Я никогда не целовалась с Джессом на людях подобным образом. Мне интересно, вспоминает ли он сейчас Мишель, или это только я вспомнила Мишель и Клея. При всей схожести Клея с Джессом, когда я его встречаю, то постоянно вижу внутренним взором лицо Мишель, ее тело, которое заставило меня тогда дрожать и отворачи-